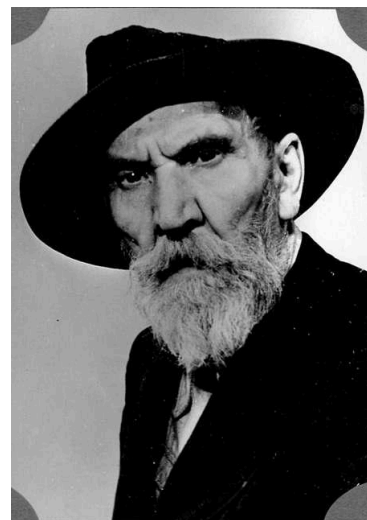

Художник
КАРАТАНОВ

Имя художника и мир его произведений становятся одним понятием тогда, когда художнику удалось найти свой изобразительный язык, свои образы и свою тему. Когда говорят – Левитан – это значит «Золотая осень», это – большие облака над Владимирским трактом, это тихие сумерки и капли средней полосы России. Шишкин – это героическая песня о солнечных бескрайних русских нивах и дремучих девственных сосновых лесах. Художник Каратанов нашёл свою творческую родину в Сибири – величественно-прекрасной окраине любимой родины. Художник Каратанов открыл Сибирь в искусстве – её пейзаж, её историю, её быт. И картины, и этюды, и простые карандашные зарисовки характеризуют Каратанова, как проникновенного художника и краеведа.

Д.И. Каратанов.
Фотограф: Степан Молобичкий

Изобразительное искусство Сибири не имеет своей многовековой истории и наследства поколений художников, соответствующих этапам общественного развития края. Известно, что в конце XVIII и начале XIX веков в Сибири работали художники: Ф.И. Хоринский, В.П. Петров, И.П. Александров, декабристы Н.А. Бестужев, В.П. Киреев и другие художники, но частично сохранившиеся работы этих художников не явились серьёзной основой, на которой могло бы развиваться подлинное искусство Сибири. Тем и значительно творчество Каратанова, что ему первому, независимо от каких-то влияний, удалось найти «самостоятельное лицо» сибирского пейзажа и выработать свой «сибирский стиль», созвучный особенностям этого края.

Родился Дмитрий Иннокентьевич Каратанов в 1874 году в степной улусе Аскыз, на реке Абакан. В семье Каратановых любили искусство: выписывали книги и журналы, в том числе и «Всемирную иллюстрацию», где будущий художник впервые увидел воспроизведение картины В.И. Сурикова «Пир Валтосара». Про автора «Утро стрелецкой казни» Иннокентий Иванович Каратанов рассказывал сыну с особым волнением, как о примере настойчивости на трудном пути художника. Рассказывал о том, как Красноярского губернского писца Василия Сурикова вначале не приняли в Императорскую Академию Художеств, но упорство взяло своё: Суриков поступил в академию, успешно окончил её. И вот слава художника-сибиряка дошла до далёкого степного улуса.

Сам Иннокентий Иванович Каратанов тоже рисовал. В детстве увлечение было сильным, но с годами другие дела заслонили любимое занятие. Много труда было положено на составление описания природы и быта Минусинских степей, за что он получил звание действительного члена географического общества, почётную грамоту и серебряную медаль. Большое участие он принял в основании Минусинского музея имени Н.М. Мартыанова. Служа в торговой конторе золотопромышленника П.И. Кузнецова в Аскызе, Иннокентий Иванович заменял и врача, и агронома, и ветеринара, снискав заслуженное уважение населения. Он любил свой край как патриот и художник. Иногда без всякой

причины брал увольнение со службы и уезжал то на золотые прииски Удерея, то на Бирюсу, то на рудники Забайкалья. Эта любовь к Сибири передалась и сыну.

Сам художник Каратанов вспоминает, как он 5 – 6-летним мальчиком рисовал с натуры степь и русскую церковь в Аскызе, для этого выбегая из комнаты на улицу – посмотреть и обратно, к рисунку в комнату; часто уходил в степь с другом Колей Катановым искать где-нибудь на размывах реки медные наконечники от стрел и всякую «историческую мелочь» на местах воображаемых сражений сагайского народа с войском Чингисхана.

Наверное и Николай Фёдорович Катанов – первый учёный из Хакассии, профессор Казанского университета, впоследствии вспоминал детские походы в степь с Митей Каратановым.

Родители будущего художника ценили дарование сына, но никогда не хвалили его рисунки и не настаивали на том, чтобы сын стал художником. Но Дмитрий Каратанов скоро сам понял, что только искусство – его стремление и цель.

В Аскыз в 1884 году приехал политический ссыльный Радецкий и поселился в доме Каратановых. Знакомство перешло в дружбу.

Радецкий иногда целыми днями писал, иногда уходил в степь, а вечерами рассказывал о будущем Сибири, о её природных богатствах, о людях. В прогулках Радецкого сопровождал Дмитрий Каратанов. Однажды они сидели на кургане вдали от улуса. День был знойный и тихий. Друзья молчали, глядя на лиловый горизонт, где появилась тёмная, быстро увеличивающееся пятно. Оно приближалось с быстротой урагана, и вскоре в облаке пыли стали видны распластавшиеся в беге фигуры лошадей. Табун пронёсся мимо с нестройным гулом, гиком пастухов, щёлканьем бичей.

– Какая сила! Какое стремление вперёд! – проговорил Радецкий. – Вырастешь, Митя, напиши картину. Будем самая величественная вещь. Понимаешь меня? Покажи в этом движении не просто табун и бескрайнюю степь, а создай песню – символ свободы. Только то произведение ценно, где есть большая мысль.

Возвращались домой молча. Радецкий, наверное, чувствовал действие своих слов, но вряд ли он знал, что рядом с ним шагает истинный художник Сибири, духовно сложившийся, с большой любовью к родине. Ему не хватало ещё опыта, умения и школы, но главное, что движет кисть художника, уже родилось и окрепло в нём.

Это, пожалуй, и было «рождением» художника Каратанова, ибо спустя шестьдесят с лишним лет, он с волнением вспоминает о Радецком.

* * *

Дом Ивана Степановича Каратанова, дедушки художника, стоял недалеко от дома Суриковых в Красноярске. И когда семья Иннокентия Ивановича Каратанова переехала в Красноярск, юный художник лелеял мечту встретиться с Василием Ивановичем Суриковым, приезд которого ожидался из Москвы.

Дмитрий берёт рисунки, сделанные в Аскызе, и на пути в Красноярск по Абакану и Енисею, и вот, узнав о приезде знаменитого красноярца, он с рисунками направился к нему.

«Впервые я посетил Василия Ивановича Сурикова, - пишет в своих воспоминаниях художник – в 1888 году, когда мне не было ещё полных четырнадцати лет. Но сегодня, когда я пишу эти воспоминания о нашей первой встрече, мне невольно кажется, что она происходила недавно – так свежи в памяти мельчайшие подробности её.

С раннего детства я научился любить и уважать знаменитого художника – красноярца по рассказам своего отца и по художественным репродукциям с картин Василия Ивановича, хранящимся в библиотеке отца.

С волнением прижимая к груди пачку своих детских рисунков, вошёл я в дом Суриковых.

- Васенька у себя, - сказала мать Сурикова, приветливо поздоровавшись со мной. – Пройдите к нему наверх.

И вот я в «святая святых» живописца, в комнате, где развешаны его этюды, а на мольберте – неоконченная картина «Исцеление слепого».

Василий Иванович часа три беседовал со мной, указывая на достоинства и недостатки моих рисунков, показывал мне свои итальянские этюды и дал много ценных советов.

- Когда ты рисуешь что-нибудь, никогда не начинай с деталей, всегда с общего, - сказал Василий Иванович и при мне сделал беглый набросок со своей руки, показывая как именно нужно рисовать.

- Ты работаешь с натуры. Это хорошо. Продолжай. Но надо учиться писать правильно, - и он даёт мне гравюрку итальянского художника Блоас с изображением женской головки. – Посмотри, как правильно отточен нос, как верно поставлены глаза; научись правильно строить лицо. Больше рисовать надо на воздухе, на солнце. И, рисуя любым материалом – карандашом, углем – всегда имей ввиду цвет, живопись».

«Однажды я показал ему свой карандашный набросок, изображавший игру деревенских парней на льду, - пишет далее Д.И. Каратанов. – Суриков похвалил некоторые фигуры, но заметил, что в картине нет «центра тяжести», то есть нет, как я его понял, основного композиционного узла, на котором останавливалось бы внимание. «Композиция – это главная задача художника», - не раз говаривал Василий Иванович».

* * *

Значительное влияние на формирование художника Каратанова имел также известный сибирский художник М.А. Рутченко, мастер академической выучки, знаток искусства. Знакомство Каратанова с Рутченко относится ко времени первой встречи его с В.И. Суриковым. Талантливый педагог Рутченко обратил внимание на исключительные способности ученика и давал ему систематические уроки по рисунку и живописи. Еще больше сблизил ученика с учителем случай, о котором вспоминает художник Каратанов:

«Как-то я узнал, что Михаил Александрович ищет квартиру. И слышал я, что отец собирается сдать в аренду половину нашего дома знакомому чиновнику. Не спросив отца, я побежал к учителю. Мы собрали его этюды и краски, наняли извозчика и поехали. Случилось так, что в это же время задумал переезжать и знакомый отца. Подводы столкнулись в наших воротах. Папаша в недоумении разводил руками на крыльце, извинялся перед гостями и принимался ругать меня. Не помню точно, как и чем я оправдывался, что говорил, но помню хорошо, что кончилось все это веселым чаепитием у нас после чего жить в нашем доме остался Михаил Александрович. Правда, после от нас он переехал к Чернышевым и я его навещал там».

Работал М.А. Рутченко тогда больше над религиозными темами. Это были заказы Красноярского собора. Рассказывал своему юному другу об Академии Художеств, о строгом седом академике Бруни, об аккуратном румянном процессоре Неффе – авторе многочисленных и известных «купальщиц».

Конечно, в определении творческого направления Рутченко не мог влиять на Каратанова, но требовательный подход к технике исполнения передался ученику.

К сожалению, работы художника Рутченко почти не сохранились. В Красноярском краевом музее находится лишь одна из его картин – «Узник», написанная в духе лучших традиций русского «Передвижничества», психологически очень выразительная картина.

* * *

Осенью 1892 года Дмитрий Каратанов по совету В.И. Сурикова поступил в Академию Художеств.

«Петербург мне показался серым, - вспоминает художник, - Нева походила цветом на гранит ее набережных, а низкое сизое небо, казалось, опустилось на крыши великолепно-строгих дворцов. И даже русский разговор не так звучал, как у нас в Красноярске».

И лишь в мастерских академии молодой художник на время забывал о могучем Енисее и синих горах, поросших тайгой.

«Из преподавателей, - далее вспоминает художник, - пользовался общей любовью всех студентов Илья Ефимович Репин. Маленький, оживленный, он входил в мастерскую, брал кисти и учил, как надо писать; возносил до небес в похвалах чью-нибудь работу, понравившуюся ему, а иногда возмущенно ругался, когда студенты не могли выполнить его требований».

Часто знаменитого учителя сопровождал его талантливый ученик Валентин Серов, который обратил внимание на своеобразные работы Каратанова. Позже Каратанов написал декорации к первой постановке оперы «Вражья сила» - композитора Александра Серова – отца художника.

Еще в Красноярске, в галерее золотопромышленника П.И. Кузнецова Каратанов видел картину Сурикова «Памятник Петру I, освещенный луной». Неповторимая композиционная законченность этого произведения уже тогда поражала его. Однажды петербургской ночью он, возвращаясь из театра с друзьями Быстрениным и Герардом, остановился на площади, и гениальное творение Фальконе и Колло, воспетое Суриковым, возникло перед его восхищенными глазами.

- Чего молчишь Каратанов? – шутя говорил Герард, - или у вас в Красноярске есть такие памятники или такая опера?

- Такой оперы нет, - ответил Каратанов, - но есть свой театр и есть такое свое, чего нет в Петербурге и вообще нигде.

Наверное Каратанов имел в виду синие просторы Енисея, вечный шум тайги и нагромождение скал, оплетенных цветами.

На летние каникулы Каратанов уехал в Сибирь. С волнением он подъезжал к Красноярску, пристально вглядываясь в холмистый горизонт, за которым вот-вот должна показаться гора с белой остроконечной часовней. Там он вместе с Рутченко писал первые этюды красками.

Родители Каратанова, ко времени его приезда из академии, переехали на золотые прииски Бирюсы. За ними уехал и художник.

На Бирюсе он впервые увидел жизнь золотоискателей, еще никем не воспетую. Он наблюдал старателей на промыслах, где у ревущих горных рек они ворочали железными скребками каменистую породу в широких деревянных колодах.

Ушли те времена и тех старателей нет, но их образы живут в исторических зарисовках художника Каратанова. Особенный интерес представляет эскиз «Приход старателя».

Следующих летом он писал этюды Манского Белогорья; с охотником Федором Зайковым уходил на целые недели в тайгу, спал в пихтовых шалашах, встречал рассвет с палитрой в руках.

После «серого Петербурга» художник по-новому увидел красочный мир Сибири, ее реки и горы, тонкий узорный рисунок тайги. И творческая интуиция подсказала ему выразительные средства для передачи характерных особенностей сибирской природы.